

Шэн Чу Ся заново наложила мазь на рану Му Цяньсюаня, после чего помогла ему снова надеть одежду, чтобы он не простудился.

Му Цяньсюань сел, скрестив ноги, и принялся регулировать дыхание; не прошло и мгновения, как он погрузился в состояние медитации.

Шэн Чу Ся тихонько вышла из комнаты и вместе с госпожой Сяо съела оставшиеся с вчерашнего дня сухие лепёшки.

Каждый раз, уходя куда-либо, прежняя хозяйка тела обязательно брала с собой немного сухого пайка на случай непредвиденных обстоятельств. Слуги, что носили еду им с матерью, по указке Шэн Чусюэ приносили либо протухшие объедки, либо еду с примесью камешков — так, чтобы матери с дочерью не умереть с голоду, но извести их до предела своими издевательствами.

Когда принесли сегодняшнюю еду, от неё при открытии крышки пахло кислятиной, и Шэн Чу Ся в сердцах выплеснула всё под самые корни стены.

После трапезы Шэн Юйвань достала вышивки, которые мастерила последние два дня, и с болью в сердце посмотрела на тонкое старое платье на Шэн Чу Ся:

— Сяся, это я вышила вчера. Воспользуйся случаем, обменяй на серебро и купи себе новую зимнюю одежду.

Десять пальцев госпожи Сяо покраснели и распухли, а на кончиках красовались густые следы от игольных уколов. И это при её-то слабым здоровье!

Шэн Чу Ся крепко схватила её ледяные руки:

— Мама, впредь тебе больше не нужно заниматься этим, я уведу тебя из этого проклятого места.

Шэн Юйвань в изумлении выдохнула:

— Уведёшь?

Шэн Юйвань и сама помышляла об уходе, но клан Шэн в здешних краях — влиятельное и именитое семейство. Хоть при дворе никто из них и не служит, они водят знакомства с чиновниками столицы, и даже местным властям приходится хоть в какой-то мере считаться с кланом Шэн. Их влияние простирается по всему свету — куда же им, матери с дочерью, сбежать?

— Я нашла заступника, и каким бы могущественным ни был клан Шэн, ему с ним не тягаться. Мама, поверь мне, не пройдет и трёх дней, как мы обретем свободу. — Шэн Чу Ся растирала руки Шэн Юйвань, а в её глазах сияла надежда. Наверное, когда прежняя хозяйка тела произносила эти слова, на сердце у неё было точно так же.

Во дворе послышался звук открываемой двери.

Скрип-скрип — отвратительно резкий.

Шэн Чу Ся поднялась и отворила дверь: перед ней стояла нянька Чжэн со свитой, воинственно ввалившаяся во двор:

— Вторая барышня, наложница Сяо, старая госпожа изволит вас видеть.

Госпожа Сяо в тревоге поднялась на ноги:

— С чего это старая госпожа вдруг пожелала видеть нас?

— Об этом спросите у самой второй барышни. — Нянька Чжэн приняла наглый вид, полагаясь на чужое покровительство, и холодно усмехнулась: — Вторая барышня, наложница Сяо, прошу за мной.

— Мама, всё в порядке, ходим и сразу вернемся. — Шэн Чу Ся успокоила госпожу Сяо.

Стоило Шэн Чу Ся, няньке Чжэн и остальным покинуть двор, как сидевший в комнате в медитации Ло Янь открыл зловещие глаза, и вокруг него клубилось убийственное намерение.

Спрятанный в ножна Меч Разящей Весны, казалось, почувствовал жажду крови своего хозяина и издал гудящий звук.

Ло Янь взял меч и толкнул дверь.

На ветвях гинкго лежал тонкий слой снега; ступив на бледную верхушку дерева, Ло Янь оперся носком о ветки и листвой взмыл в воздух, зажав меч в объятиях.

Зимний ледяной ветер резал лицо, словно нож, но Ло Янь, казалось, совсем не чувствовал холода, а его бесстрастные черные глаза безмолвно следили за происходящим во дворе.

Северный ветер кружил снежную крупу, безжалостно хлеща по лицу, точно тяжелая отцовская затрешина. Шэн Чу Ся запахла одежду, а её подошвы хрустели по снегу, издавая скрипучие звуки.

Её хрупкое тело зябко съежилось.

Госпожа Сяо перехватила её руку и спрятала на груди под своей одеждой.

Несколько служанок не стали сразу отводить мать с дочерью к старой госпоже — сперва они завели их в комнату, заново причесали, а затем принесли роскошные наряды и заставили переодеться.

Эти приготовления напоказ делались ради того, чтобы никто и не догадался, как плохо с ними обращались. Очевидно, человек, которого им предстояло встретить, — вовсе не старая госпожа.

В глазах Шэн Юйвань читалось беспокойство, но Шэн Чу Ся успокоила её:

— Нас хотят видеть знатные люди, мама, не стоит тревожиться.

Только вот эта знатная особа пожаловала явно не с добрыми намерениями.

Припомнив сюжет оригинальной книги, Шэн Чу Ся схватилась за голову от головной боли.

Служанки тронули лица матери с дочерью румянами, возвращая бледным щекам легкий здоровый румянец, и лишь после этого повели их в парадный зал. Шэн Чу Ся вовсе не улыбалось появляться на людях с красными пятнами на лице и служить посмешищем, поэтому она потребовала выдать ей вуаль.

Служанки уже получили приказ и не смели спорить, поэтому послушно принесли новую вуаль.

В зале стоял молодой господин в роскошных одеждах из парчи. Высокий, с заложенными за спину руками, он стоял спиной к входу и, запрокинув голову, разглядывал висящую на стене картину.

Глава клана Шэн Шэн Цяньфан, старший молодой господин Шэн Чуши, а также прародительница клана Шэн — госпожа Шэн — стояли позади него в почтительных позах, и одно это указывало на высокое происхождение гостя.

Шэн Чусюэ пряталась в объятиях госпожи Сун и со смущенной робостью разглядывала спину незнакомца, шепча что-то на ушко матери, отчего её бело-розовые щеки покрылись легким румянцем.

И лишь сам молодой господин, казалось, ничего вокруг не замечал, полностью погрузившись в созерцание живописи.

— Старая госпожа, господин, вторая барышня и наложница Сяо доставлены, — почтительно произнесла нянька Чжэн.

Услышав это, стоявший перед картиной юноша неторопливо обернулся. Разглядев его лицо, Шэн Чу Ся остолбенела, и в голове осталась лишь одна мысль: конец.

Кредитор явился по душу должника.

Этот молодой господин — не кто иной, как тот самый щеголь в парчовых одеждах, у которого она среди бела дня отобрала бобовые сладости.

По одним только глазам Шэн Чу Ся тот сразу узнал её и вырвалось:

— Это ты.

— Молодой господин Линь знаком с моей дочерью? — Шэн Цяньфан, впервые за долгое время увидев Шэн Чу Ся и Шэн Юйвань, на мгновение задержал на них взгляд, но тут же отдернул его, словно обжегшись.

Все эти годы он упорно отказывался видеться с матерью и дочерью, затаив обиду на то покушение, которое совершила на него в прошлом госпожа Сяо, и боясь, что, взгляни он на них еще хоть раз, потеряет лицо перед столь высокопоставленным гостем. Услышав же слова молодого господина, он невольно удивился: откуда этот юноша из поместья маркиза Юньань знает Шэн Чу Ся?

Шэн Чу Ся испугалась, что молодой господин сболтнет про её тайную вылазку из дома, и поспешно перебила его:

— Этот господин ошибся, Шэн Чу Ся за пятнадцать лет ни разу не покидала Дворик Увядшего Лотоса, откуда ей знать таких знатных людей, как вы.

Тот юноша оказался сонятливым умом и тут же подхватил:

— Вторая барышня права, это у меня в глазах рябило.

Шэн Чу Ся сперва думала, что он заявился за той самой коробкой сладостей, но теперь окончательно убедилась: он пришел из-за них двоих.

Приближался классический троп с расторжением помолвки.

Поддав волнение в груди лихорадочно соображая, Шэн Чу Ся живо восстановила в памяти

сюжет книги.

До заключения союза с Му Цяньсюанем у прежней хозяйки тела действительно была помолвка, но заключена она была мимоходом в былые годы и не получила официального одобрения обоих кланов, а потому веса не имела.

Дело обстояло так: явившийся сюда знатный гость звался Линь Юань и приходился старшим сыном в поместье маркиза Юнъань. Их матери — и его, и Шэн Чу Ся — происходили из бедных семей и в юности дружили: одна хранила в сердце образ друга детских лет и грезилась о тихом счастье с Ся Минюем, а вторая отличалась амбициями и вечно мечтала вспорхнуть на ветку и стать фениксом.

При всей противоположности характера они сошлись характерами и в шутку договорились, что в будущем, выйдя замуж и обзаведясь детьми, поженят их, коли родятся мальчик с девочкой. Позднее мать Линь Юаня вошла в поместье маркиза наложницей.

Законная жена маркиза умерла рано, и все его помыслы отныне принадлежали этой госпоже Лю. И хотя Линь Юань родился от наложницы, он пользовался полным доверием Наследного принца, втайне помогая ему в делах, в то время как законный наследник поместья страдал избытком веса и отличался беспросветной глупостью, так что возвышение Линь Юаня было лишь вопросом времени.

Госпожа Лю отнюдь не собиралась на этом останавливаться и всерьез задумалась о женитьбе сына: её отпрыск — писанный красавец с блестящим будущим — должен взять в жены чистокровную девицу из благородного маркизского рода, а вовсе не какую-то безродную девчонку сомнительного происхождения вроде Шэн Чу Ся.

Разъезжая по делам, Линь Юань познакомился с Жуань Синтянь, чья доброта глубоко тронула его, и они подружились. Они часто предавались беседам за вином, не утаивая друг от друга ни единой тайны, и когда юноша обмолвился, что у него есть невеста, которую он в глаза не видел, и это тяготит его, Жуань Синтянь подбодрила его отважно следовать за истинной любовью.

К Жуань Синтянь Линь Юань и впрямь питал особые чувства, незаметно для себя вынашивая иные помыслы. Правда, в ту пору он толком не осознавал, что это за чувства, но в глубине души на материнскую скоропалительную помолвку затаил глухую обиду.

Заметив его терзания — ведь расторжение помолвки дело неблагородное — Жуань Синтянь предложила сперва навести справки о нраве Шэн Чу Ся: если она окажется хорошей девушкой, то лучше разом разрубить узел, не портя ей молодость; ну а если нрав её дурен, тогда можно смело являться с отменой брака, поставить все точки над і и навсегда порвать всякие связи.

Да только какая молва могла закрепиться за Шэн Чу Ся под надзором госпожи Сун и Шэн Чусюэ? Слухи о том, что Шэн Чу Ся — вовсе не родная дочь клана Шэн, ходили уже много лет. После того как Шэн Чу Ся обезобразила лицо, Шэн Чусюэ раструбила об этом на весь белый

свет, и теперь каждый знал: Шэн Юйвань вышла замуж за Шэн Цяньфана, принеся в подоле чужое семя, а этот ублюдок к тому же не уважает старших, дерзит старой госпоже Шэн, за что и поплатился — лицо покрылось отвратительными пятнами, превратившись в страшилище, от которого все шарахаются.

Праздные слуги, пользуясь возможностью относить еду во Дворик Увядшего Лотоса, разглядывали безобразное лицо Шэн Чу Ся, зарисовывали его и передавали рисунки из рук в руки, делая их предметом насмешек за чашкой чая, а кое-кто и вовсе вешал портрет Шэн Чу Ся на парадные ворота для защиты от злых духов.

На самом деле всё это по наущению Шэн Чусюэ творили слуги, по её же заказу выполнялись и портреты — ей непременно требовалось уничтожить мать с дочерью. С такой дурной славой Шэн Чу Ся больше никто и никогда не посватает.

Сомнения в происхождении, неуважение к бабушке и ужасная внешность — три небесных грома обрушились на голову Линь Юаня. Наотрез отказавшись брать в жены особь с гнилым характером и отвратительной внешностью на всю жизнь, он сговорился с матерью и заявился сюда с прежним залогом верности.

В этой буре с расторжением помолвки мать с дочерью испили чашу унижений до дна.

Шэн Чу Ся прикусила коренной зубы, подумав про себя: дело принимает скверный оборот. Сама она стерпит парочку тычков, но теперь эта женщина носит лицо её мамы, и смотреть сложа руки на то, как её унижают, она не может.

Линь Юань никак не ожидал, что девица, отобравшая у него среди улицы бобовые сладости, окажется его мнимой невестой. Встретившись взглядом с её ясного блеска черными глазами, он вновь почувствовал тупой ушиб в пояснице. Сдержав порыв помассировать больное место, Линь Юань направился к госпоже Сяо и Шэн Чу Ся и вежливо произнес:

— Я Линь Юань из поместья маркиза Юнъань, приветствую госпожу и вторую барышню.

Шэн Юйвань, потянув за собой Шэн Чу Ся, ответила на поклон:

— Молодой господин Линь излишне любезен.

Щеки госпожи Сяо были осунувшимися, и хотя румяна придавали коже красок, скрывая бледность и иссушенность, рука, сжимавшая локоть Шэн Чу Ся, источала старческую сухость — проступили вздутые вены, и даже роскошное платье не могло скрыть налет превратности судьбы и усталости на её лице.

Снаружи ходили слухи, будто мать и дочь злы и сварливы и не почитают старших, но эта госпожа выглядела добросердечной, источая мягкость всем своим существом, отчего

неприязнь Линь Юаня к ним уменьшилась на треть, а к самим слухам зародилось подозрение.

— Прошу прощения за столь дерзкий визит. Не знаю, помнит ли госпожа мою матушку? Мою матушку зовут Лю, а по имени — Янь.

Шэн Юйвань кивнула:

— Как поживает ваша матушка?

— Благодарю за заботу, матушка чувствует себя прекрасно, — ответил Линь Юань.

<http://bllate.org/book/21961/2281773>